

удалось избежать необычайно тяжеловесных фраз, до смысла которых иной раз бывает трудно добраться (например, в «Подберезье»: «Но пары, в грязи омерзения почившие, уже вздымаются и предопределяются объяти зрения круг»).⁵

И в той же книге мы находим великолепные образцы стиля, выдержанного в древнерусской литературной манере и показывающие, как мастерски овладел им Радищев и насколько органически его усвоил. Приведем для примера несколько строк из описания бури на море в главе «Чудово»: «Сильное стремление валов отнимало у кормила направление, и порывыстый ветер, то вознося нас на мокрые хребты, то низвергая в утесистые рытвины водяных зыбей, отнимало у гребущих силу шестственного движения. . .».

В своей обличительной патетике Радищев равным образом широко использовал изобразительные средства древнерусской книжной речи. Вот как писал он в «Спасской полести» о толпе придворных, окружающих трон властелина: «Изжени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывшую срамоту души своей позлащенными одеждами. . .». Колонизаторов Америки он заклеймил следующими словами: «Злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения» («Хотиллов»). Торжественная «славяно-русская» речь слышится и в грозных обличениях, направленных против палача-помещика: «Прострите на сего общественного злодея ваше человеколюбивое мщение. . . ознаменуйте его яко общественного татя, дабы всяк, его видя, не только его гнушался, но убегал бы его приближения, дабы не заразиться его примером» («Вышний Волочок»). Пророчески звучит завешание будущим борцам с самодержавием: «Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою; и если предадут тебя смерти. . . ты поживешь на памяти благородных душ до скончания веков» («Крестыцы»).

К лексике и синтаксису «славяно-русского» языка Радищев, как видим, прибегал даже там, где решительно порывал с идейным наследием старины и восставал против пережитков средневековья в мировоззрении и общественных отношениях.

Если поучение детям «крестецкого дворянина» примыкает по своему жанру к ряду древнерусских памятников, включая

⁵ Ср. в этой же главе фразу, частью цитированную выше в другой связи. «На лестнице, по которой разум человеческий нисходит долженствует во тьму заблуждений, если покажем что-либо смешное и улыбкою соделаем добро, блаженны наречемся».